

Собрание стихотворений Вячеслава Нуприянова «Противоречия» — почти шестисотстраничный том, выпущенный к восьмидесятилетию автора и составленный им лично как результат многолетнего поэтического путешествия. Хотя Нуприянов пишет и традиционные, конвенциональные стихи, в эту книгу не вошло ни одного, здесь только верлибры. Об этом и заголовок: «Опыты соединения слов посредством смысла». У верлибра есть только этот единственный способ превратить череду слов в поэзию, не прибегая ни к укачивающему ритму, ни к отвлекающему жонглированию звучными рифмами. Именно об этом сказал Юрий Орлицкий на презентации книги в ЦДЛ, назвав верлибры Вячеслава Нуприянова «обнаженной сутью стихотворной речи, поэзией точных, верных и единственных слов».

Чтение непростое — не столько из-за внушительного объема, сколько из-за смысловой насыщенности стихотворений, каждое из которых заставляет работать мозг, сердце, воображение, совесть. Каждый текст этого сборника, короткий или пространный, — концентрат правды, неразбавленная сыворотка смысла. Стихи сгруппированы по определенным темам, или, скорее, как сказали бы сегодня, по тегам, ключевым словам: «Время любить», «Даль детства», «Чудеса истории», «Дикий Запад» — и, объединенные таким образом, производят кумулятивный эффект, усиливая впечатление и послевкусие. Каждый раздел обретает собственное звучание: нежное и доброе, если речь о любви и детстве, чистое и светлое — о природе, отстраненное и холодное, если о космосе и звездах, злое ироничное — о королях, чиновниках, интриганах. И благодаря этой насыщенности, даже пресыщенности, вдруг ясно осознаешь, что автор этих стихов на самом деле не просто пишет тексты, чтобы что-то сообщить, передать, рассказать, — из отдельных стихотворений, словно из кирпичиков, он создает собственный поэтический мир,

Слово – то нутряное, природное, дикое, что еще осталось в цивилизованном человеке. Речь, язык – корнями уходят в природу. И если для кого-то природа – фон, а речь – инструмент, для Куприянова они самоценны.

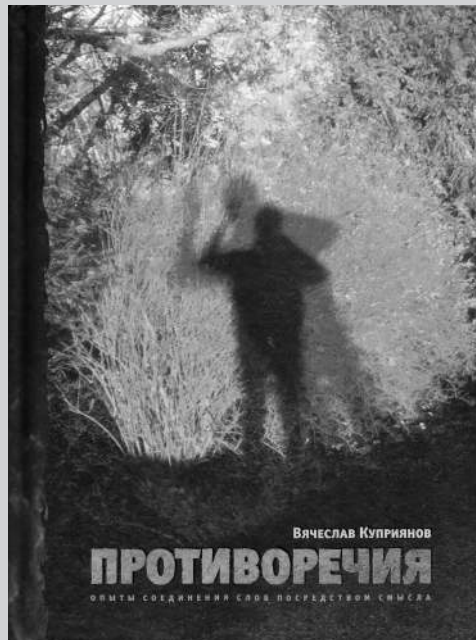
противопоставленный миру реальному, и даже противоположный ему. Мир, сложенный из слов. Сложение слов в сумме дает безграничную живую вселенную.

*Вот бесконечный смысл незаметной работы:
стол
начинает шелестеть листвой
перо
снова вырастает в крыло птицы
дерево
за лубым окном
птица
высоко в небе
вечное благовещение жизни
слово
становящееся плотью*

В центре каждого высказывания — обретающее плотность и плоть слово, которое поэт начинает медленно поворачивать, пристально разглядывая каждый звук то ли под лупой, то ли под волшебным фонарем, открывая новые грани, странности и нелепости, пока слово не потеряет изначальный смысл и не приобретет новый:

*Миллионы лет нас учат,
что худа нет без добра
и нет добра без худа.
И хорошо бы так
себе добра наживать,
чтобы другим хуже не стало,
чтобы добро не походило
на раздобревшее худо.*

Слово — то нутряное, природное, диное, что еще осталось в цивилизованном человеке. Речь, язык — корнями уходят в природу. И если для кого-то природа — фон, а речь — инструмент, для Куприянова они самоценны. Даже назначение человека, по Куприянову выходит, «*держат слово*», потому что материальное, мирское рано или поздно рассыплется и исчезнет, и лишь слово, память, искусство, несмотря на наужущуюся эфемерность, надежны и устойчивы. Только они имеют смысл, только в них можно отыскать опору, настоящую жизнь: «*На картах мира / время стирает границы / священных империй. / Непреходящи / черты Ада и Рая, / увиденные на земле / ветхим Данте*».

Лирический герой скрупулезностью напоминает дельца из «Маленького принца», тщательно пересчитывавшего звезды: он так же серьезен и любит точность. Только, в отличие от героя Сент-Экзюпери, делец Куприянова бескорыстен. Его цель — овладеть, выразив в слове, не только звездами, но всеми объектами, явлениями, всеми незаметными людьми, которые продолжают смотреть на небо, мечтать и искать. Пересчитать всех непризнанных поэтов, которые, возможно, не написали в жизни ни строчки, но остаются поэтами по сути. Поэт — тот, кто смотрит вглубь, вдаль, парит над действительностью, как птица. Он смотрит на все словно издалека и опасается приближаться: нет, не из чувства безопасности, а чтобы не погрязнуть в мелочах, не завязнуть в тщете материального, наносного, ненужного, неважного. Он готов насмехаться над политикой, амбициями, глупостью, крайностями, но не готов придавать этому то огромное значение, которое придает обыватель. Поэт одним своим взглядом воскрешает мир. Поэт уподоблен птице, у него есть перо, невесомость, вид с высоты, слово и молчание: *«Птицы говорят на языке приоткрывших их деревьев / на языке гор приблизивших их к небу / на языке волн в которых им дано отразиться / но молчат они на языке неба».*

В этом сборнике есть некая моральная целостность, четко заданный нравственный вектор. Куприянов требует от читателя, чтобы он думал и жил осознанно: *«кто думает иначе / спасибо на том / что тоже думает».* Но подчеркивает, что это уязвимая позиция: *«Единственное что облегчает борьбу с мыслью / это ее дислокация в голове человека / единственно чем человек может защищаться / это скрывать / или не иметь своих мыслей».*

Впрочем, единственно приемлемая: обретая социально значимые блага, человек беднеет, а не обогащается, застывая в сытости и бездумье,

Он сталкивает внутри текста
несовместимые на первый взгляд
объекты, находит ускользающие,
неочевидные связи, создает хаос,
в котором заново обнаруживает
порядок.

предает себя: *«лишь отсутствие воображения / возвращает тебе / желанный покой»; «Государственные умы / вычисляют / Какой минимум духовной пищи / Положен мне уже с раннего детства / Чтобы не испытывать духовной жажды / И воспитывать в себе с раннего детства / Прожиточный минимум совести».* Подчиняясь обществу, его стереотипам, отказываешься от крыльев, тем более что *«Крылья ангела достигали в размахе / два метра девяносто восемь сантиметров, / при весе семьдесят два килограмма / летать на таких крыльях, / с точки зрения аэродинамики, невозможно».* Выходит, что достать до неба, потратив жизнь на поиск дыхания вселенной, — недостижимая цель, поэтому настоящий поэт всегда жертвует собой, отказываясь от нормального, упоенного существования: *«Поэт стучит в головной мозг вселенной / И мозг вселенной течет в его уже пустые глазницы / Смысл летит сквозь него со скоростью света / Но уже никто не замечает / Среди звезд его могилу».*

Нуприянов, нарушая физические и логические законы, как и положено демиургу, тут же создает собственные. Он сталкивает внутри текста несовместимые на первый взгляд объекты, находит ускользающие, неочевидные связи, создает хаос, в котором заново обнаруживает порядок. Иисуса в космосе вот-вот прибьют к Южному Кресту гвоздями звезд, яблоко Евы приравнивается к яблоку Ньютона, из Гете можно извлечь квадратный корень, а руки Венеры Милосской уже много столетий, отделенные от идеального тела, живут неидеальной жизнью, стирая белье и нянча детей. В его мире постоянно происходят подобные события, *«от которых рушатся колонки газет / которые не предвидены законами / всемирного тяготения / постоянства состава / грамматики / исключенного третьего / единства борьбы и противоположностей / Законом Божиим / происходят / решающие события / постарайтесь / не пропустить».* Но чтобы не пропустить такие события, увидеть эти необычные связи, надо быть чутким, умным, начитанным, равнодушным человеком. Чтобы гармонично чувствовать себя в нуприяновской вселенной, не мешает и своеобразное, изысканное, окрашенное в мрачные тона чувство юмора:

*Дети стали рождаться
С ружьями вместо рук
Детские коляски напоминают тачанки
Родители выкатывают детей на свежий воздух*

*Младенцы то и дело постреливают
В случайных прохожих*

*Средства массовой информации
Ведут бесконечные ток-шоу на тему
Что кончится раньше
Патроны у детишек
Или случайные прохожие*

*А дети растут
И случайностей все меньше*

Мощный голос и уникальный тембр Нуприянова позволяют ему говорить о самом банальном и сложном так, чтобы удивить, заставить по-новому взглянуть в лицо старой проблемы. Например, о смерти: «но он, к сожа- лению, / уже не имеет никакого отношения к звездам / и принадлежит скорее / опавшим листьям, глине, / яркой траве / грядущего / лета». О любви: «Теперь мы все время / дети / друг другу / Пока мы растем / друг вслед за другом / мы никогда не состаримся». О поэзии: «Стихи – / подсолнухи / подстроч- ники / солнца / стихи – / снежинки / для заждавшихся / снега / стихи – / подснежники / для уставших / от зим / стихи – / деревья / в тени которых / светло». О звездах: «Звезды в небе / переходят / из спектрального класса / в класс <...> Да будут благословенны / те световые годы / когда каждая звезда / учится / чтобы стать / солнцем».

Поэтический мир Нуприянова — многогранный, разный, меняющийся, живой и, несмотря на едность и сарказм, очень добрый. Прямолинейность и мрачность, неутешительные размышления об амбивалентности человеческой природы, склонной к несправедливости, эгоизму и равнодушию, уравновешиваются простой мыслью о том, что все мы похожи, каждый из нас и червь, и бог, и каждую секунду мы делаем выбор: «о чем бы / ни вспоминал живущий / после заката – / близится время рассвета». А это означает, что каждая секунда оставляет нам надежду, открывает дверь к вере, любви и мудрости, к очищению от суеты вещей. Поэзия Нуприянова — это свер- нающая звездами тьма, вертикаль, лифт, поднимающий душу в самую высь, к вечности, и возвращающий обратно, к себе:

*Хорошо быть дверью для всех
кто хочет войти
поскрипывать
но открываться
И окном
в котором не гаснет свет
для всех кто думает:
«поздно»*

